

Уайльд Оскар

Баллада Рэдингской тюрьмы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-74

О-74 **Оскар У.**
Баллада Рэдингской тюрьмы / Уайльд Оскар – М.: Книга по Требованию, 2023. – 52 с.

ISBN 978-5-519-78127-5

ISBN 978-5-519-78127-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СМЫСЛЪ БАЛЛАДЫ УАЙЛЬДА.

4

Послѣ осужденія Оскаръ Уайльдъ написалъ только двѣ вещи: книгу раздумій „De profundis“ и «Балладу Рэдингской тюрьмы». То и другое рѣзко отличается отъ всего, что Уайльдъ писалъ до своего процесса. Эта разница, быть можетъ, лучше всего опредѣляется словами изъ „De profundis“: «Радость—для прекраснаго тѣла, страданіе—для прекрасной души». До тюрьмы Уайльдъ почиталъ только красоту радости, т.-е., по его собственному опредѣленію,—красоту тѣла; тюрьма научила великаго эстета красотѣ страданія, т.-е.—красотѣ души.

Въ «Балладѣ Рэдингской тюрьмы» Оскаръ Уайльдъ одержалъ побѣду надъ самимъ собой, преодолѣвъ самого себя. Онъ отказался въ ней отъ всего, что было, если не самымъ существеннымъ, то самымъ характернымъ для его прежнихъ созданій. Отказался отъ красивыхъ образовъ и красивыхъ словъ, отказался отъ неожиданныхъ антитезъ и поражающихъ парадоксовъ, отказался отъ того блеска рѣчи, который превращалъ его страницы въ рядъ ослѣпительныхъ фейерверковъ. Но, утративъ блистательность ракетныхъ огней, стиль Уайльда приобрѣлъ холодное сверканіе стали. Переставъ быть искрометнымъ, его стихъ сталъ кованно-твердымъ. Оскаръ Уайльдъ отошелъ отъ внѣшней

красивости, чтобы выиграть въ глубинѣ и въ силѣ.

Онъ отказался даже отъ оригинальности. Форма «Баллады Рэдингской тюрьмы» воспроизводитъ обычный размѣръ англійскихъ народныхъ балладъ. Мысль, положенная въ ея основу,—та самая, которую много разъ защищали лучшіе умы человѣчества. Прежде Уайльдъ стремился сказать то, что до него не говорилъ никто, или даже прямо противоположное тому, что обычно говорили другіе. Теперь онъ захотѣлъ повторить то, что уже было сказано многими и даже признавалось едва ли не большинствомъ. И все же «Баллада Рэдингской тюрьмы», быть можетъ, оригинальнѣйшее изъ созданій Уайльда. Старая форма приобрѣла новизну въ примѣненіи къ новой темѣ. А старая мысль кажется жутко-новой, выраженная въ не обычной для нея формѣ народной баллады.

Раньше Уайльдъ съ пренебреженіемъ и почти презрѣніемъ относился къ реализму въ искусствѣ. Изображать то, что есть, или то, что было, представлялось Уайльду ненужнымъ повтореніемъ дѣйствительности. Только то, чего нѣтъ и что могло бы и должно быть, считалъ онъ достойнымъ художественнаго воплощенія. Въ «Балладѣ Рэдингской тюрьмы» пересказана простая дѣйствительность. Это, въ сущности, какъ-бы дневникъ поэта, изложенный въ строфахъ, правдивый рассказъ объ томъ, что уз-

никъ самъ пережилъ въ своемъ заключеніи. Къ правдѣ реальной жизни въ балладѣ ничего не прибавлено. Но въ то же время баллада производитъ впечатлѣніе кошмара, кажется болѣе фантастичной, чѣмъ сказки Эдгара По. Реальность здѣсь становится фантастической, дѣйствительность перерастаетъ въ вымыслы.

Содержаніе баллады такъ просто. Въ той же тюрьмѣ, гдѣ былъ заключенъ поэтъ, находился приговоренный къ смерти, тотъ самый «бывшій кавалеристъ Королевской конной гвардіи», памяти котораго баллада посвящена. Поэтъ видѣлъ, какъ приговоренный гулялъ въ ряду другихъ узниковъ, изо дня въ день, въ теченіе шести недѣль. Потомъ насталъ день, когда въ тюрьму пришла смерть,—

Не шагомъ бурнымъ, въ плащѣ пурпурномъ,
Не на конѣ верхомъ...

Нѣтъ, просто въ образѣ «парня ловкаго», съ веревкой и съ доской. Ночью прозвучалъ «безсильной скорби стонъ». А на слѣдующій день въ тюремной церкви не было обѣдни, и приговоренный уже не совершалъ прогулки въ ряду другихъ узниковъ. Вотъ и все.

Поэтъ не разукрасилъ этой простой дѣйствительности. Онъ не окружилъ ее вѣнками изъ громкихъ словъ и риторическихъ восклицаній. Едва-едва позволилъ онъ себѣ кое-гдѣ нѣскольکو сравненій. Но онъ помнилъ, что «красота страднія—для прекрасной души. Поэтому все

содержаніе баллады перенесено въ глубину души. Яркихъ картинъ, того, что радовало бы «прекрасное тѣло», нѣтъ нигдѣ. Но всѣ образы, словно отчеканенные на металлѣ, заставляютъ углубиться въ переживанія приговореннаго и невольнаго свидѣтеля его судьбы, поэта. Стальной блескъ стиховъ все время освѣщаетъ одну и ту же картину, постоянно возвращающуюся въ балладѣ: какъ, «рядъ за рядомъ», совершаютъ узники прогулку на тюремномъ дворѣ, гдѣ «жестки камни». Но этотъ стальной блескъ освѣщаетъ и душу того,

Кто петли, петли ждалъ!

Однообразно проходили дни въ тюрьмѣ. Узники, «шили мѣшки, били камни, таскали тесъ», и ежедневно совершали свою прогулку. Однообразно звучать стихи баллады, строфа за строфой, и одни и тѣ же выраженія упорно возвращаются опять и опять. Но одно сознаніе, та мысль, которая была выражена въ шепотѣ кого-то, шедшаго по двору сзади поэта: «Бѣднягѣ въ петлѣ быть!»—претворяетъ это однообразіе въ чудовищную фантазмагорію. Это сознаніе преображаетъ всѣ предметы грубой дѣйствительности. Тайна смерти дѣлаетъ ихъ таинственными. Ужасъ насильственной смерти дѣлаетъ ихъ ужасными. Бессиліе поэта бороться съ роковымъ дѣлаетъ все трагическимъ. Такъ баллада о приговоренномъ становится трагедіей, таинственной и ужасной.

«Рукъ не ломалъ онъ и не плакалъ», говорить поэтъ объ осужденномъ. И поэтъ въ своей балладѣ-трагедіи также «не ломаетъ рукъ и не плачетъ». Но тѣмъ ужаснѣе роковой ходъ событій. Тѣмъ таинственнѣе явленія грубой повседневности. Неизбѣжное приближается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, съ каждой строфой. Вдругъ раскрывается «зѣвая желтымъ ртомъ», яма, «живой желая жертвы». Въ домъ входитъ «герольдъ смерти». Въ семь часовъ—«ложится тишина». Вотъ всѣ ждутъ, что пробьетъ «восемь»; языкъ во рту сухъ; всѣ неподвижны, всѣ нѣмы, только сердце стучитъ, какъ «безумецъ въ барабанъ».

И читатель уже не удивляется, что «во тьмѣ кривляются злые духи», скользятъ, проходятъ, дразнятъ луну подъ кадрили, пляшутъ сарабанду, чертятъ арабески, и поютъ, громко поютъ свой страшный гимнъ:

О, пусть—кричали,—пышны дали!

Въ цѣпяхъ пойдешь куда?

Однажды, дважды кость бросайте,

Играйте, господа!

Но проиграетъ, кто играетъ

Съ Грѣхомъ въ Дому Стыда!

Правдивый разсказъ объ осужденномъ, повѣшенномъ въ тюрьмѣ Рэдингъ, приобретаетъ размѣры всечеловѣческаго символа. «Не всѣмъ,—говоритъ поэтъ,—палачъ къ позорной смерти подастъ условный знакъ... не всѣ войдутъ въ

тюрьму... не всѣмъ, въ часъ разсвѣтнѣй, предстанутъ священникъ, судья и смотритель тюрьмы... не всѣ будутъ слушать отходную надъ собой, межъ тѣмъ какъ сердце громко кричитъ: «вѣдь ты живой!»... не всѣмъ надѣнуть на шею петлю...» Но развѣ не всѣ, такъ или иначе, совершаютъ свое преступленіе? Кто изъ насъ «безъ грѣха», чтобы не только «бросить камень», но и выбросить живого изъ міра живыхъ, проклиная самую память объ немъ, запрещая сѣять и жать на его могилѣ, словно сердце казненнаго «отравить сокъ стеблей!».

Возлюбленныхъ всѣ убиваютъ,

Но всѣ ль за то умирутъ?

Такова эта удивительная баллада, послѣднее созданіе «короля жизни», Оскара Уайльда. Тюрьма научила его страшной красотѣ страданія. Съ беспощадной жестокостью онъ воплотилъ эту красоту въ вереницу однообразныхъ строфъ, мучительно раздирающихъ сердце. Но эта беспощадная жестокость есть въ то же время всепрощающая любовь ко всѣмъ людямъ. Послѣдній выводъ изъ «Баллады Рэдингской тюрьмы», найденный поэтомъ въ глубинахъ своей собственной страдающей, но прекрасной души, укладывается въ одно слово:

Прощеніе.

Іюль, 1915.

Валерій Брюсовъ.

БАЛЛАДА РЕДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ.

